

Мы победили

О Г И З
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

1/11 - 422
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МЫ ПОБЕДИМ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

О Г И З

Ивановское областное
государственное издательство
1942

-- 2010

12568К

94

А. БЛАГОВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Сегодня встала вся страна
В величьи грозном и суровом,
Она свое сказала слово,
Единым мужеством полна:

Врагу коварному не взять
Ни пяди моего простора —
Для беспощадного отпора
Идет бесчисленная рать.

Она сумеет уберечь
Мое добро от рук злодея,
В бессильной злобе холодея,
Уронит он кровавый меч.

Победный свет моих знамен
Осветит все края и дали,
К нему стремиться не устали
Сердца народов и племен.

БИТЬ ВРАГА

Трубы фабрик, тракторы, комбайны,
Ширь лесная, реки и поля...
Не обнять дорог твоих бескрайних,
Родина чудесная моя.

Ты богата сушей и морями,
Ты сильна семьею трудовой,
Ты не раз сражалася с врагами,
Побеждала в схватке боевой.

Вор полночный под окном стучится,
За хозяйский ломится порог;
Родина, тебе ведь не учиться
Бить врага и вдоль и поперек.

Хочет он назвать тебя рабою,
Бредит он погибелью твоей...
Собирай давно готовых к бою,
Закаленных, смелых сыновей.

Угости по-совести, как надо,
Чтобы мог запомнить до конца
Смертный жар советского снаряда,
Меткость большевистского свинца.

НЕНАВИСТЬ

Священный гнев горит в сердцах людей,
Зовет к оружию ненависти пламя:
На нашу землю посягнул злодей,
Он хочет быть властителем над нами;

Ему, убийце тысяч матерей,
Ответим мы железными словами;
О мести кровной под его ногами
Взывают камни родины моей.

В свою победу бесконечно веря,
К покорности свобода не пойдет:
Приспешника тиранов и господ

Мы по-хозяйски выкинем за двери,
И песни наши взрывами гранат
Над головой убийцы прогремят!

НАРОД-БОЛЬШЕВИК

Над родиной нашей свободной,
Над всей неоглядной страной
Разносится голос народный:
На бой! На решительный бой!

Идем мы за правое дело,
За землю, за солнце идем:
Припомнит фашизм озверелый,
Что шутки опасны с огнем.

Он ищет покорных на свете,
Он к легким победам привык;
Ему по-иному ответит
Могучий народ-большевик.

Не будет, не будет возврата
Тому, что должно умереть;
Оковам, разбитым когда-то,
На наших руках не греметь.

Не дрогнет боец закаленный,
Клинок смертоносный остер...
За нами стоят миллионы
Подруг, матерей и сестер.

Они — на полях и заводах,
На фронте священной войны,
В труде и в суровых походах —
Надежная сила страны.

Нельзя, невозможно не верить —
Все честное в мире — за нас:
Исчезнут кровавые звери,
Ударит возмездия час.

Вздохнут племена и народы...
В борьбе неизменно велик —
Под знаменем вечной свободы
Шагает народ-большевик.

БОЕВАЯ ПЕСНЯ

На запад, на запад
Уходят полки.
Сверкают под солнцем
Стальные штыки.
Суровые лица,

Уверенный взгляд.
И думы, и песни —
Одно говорят:

Мы вырвем с корнями
Фашистский разбой!
За красное знамя,
За родину — в бой!

Мы крепко любили
Дорогу труда,
Мы строили мирно
Свои города:
Сегодня другая
Дорога зовет —
Родная винтовка,
Родной пулемет.

Припев.

Каленою пулей,
Граненым штыком
Врага-лиходея
Повсюду найдем;
Заоблачный сокол —
Народный слуга —
От самого солнца
Увидит врага.

Припев.

Звериная стая
Коварна, хитра,
Но воинам красным
Отвага — сестра;
И грозен в расплате,
Готовый в поход,
Двухсотмиллионный
Советский народ!

Мы вырвем с корнями
Фашистский разбой!
За красное знамя,
За родину — в бой!

ПЕСНЯ ТКАЧИХИ

Пронесся клич по всем родным широтам:
Вперед! Вперед! За родину свою!
Свинцом, штыком и дружною работой
Дадим отпор фашистскому зверю.

Поднимайтесь, соколы,
В облака.
Встала я, работница,
У станка.
Чтобы злomu недругу
Нас не ~~взять~~, —
Вдвое лучше прежнего
Буду ткать!

Я многих близких в битву проводила,
На фронт ушел любимый, дорогой.
Но там и здесь — одна стальная сила,
И в мире силы нет еще такой.

Припев.

Я буду ткать и скоро и добротню,
В цеху своем — я тоже на войне:
Граненый штык и крепкие полотна
В великой битве надобны стране.

Припев.

Над нами реет знамя боевое,
Рука с рукой — заводы и поля:
С такою силой, с дружбою такою
Непобедима родина моя!

Поднимайтесь, соколы,
В облака.
Встала я, работница,
У станка.
Чтобы злomu недругу
Нас не ~~взять~~, —
Вдвое лучше прежнего
Буду ткать!

ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Снова город фабричный
Шумит, как прибой,
Как в весеннюю пору река.
Батальоны ткачей
Собираются в бой
На фашиста, на злого врага.

Ощетинясь штыками,
Проходят бойцы,
С ними песня — подруга побед.
Наряду с молодыми
Шагают отцы —
Ветераны прославленных лет.

Их дела не забыты,
Их слава живет
На просторах советской страны;
Их растил величавый
Семнадцатый год
Под грозою гражданской войны.

Их в походы водил
Сам Чапаев — герой,
С ними Фрунзе громил Колчака,
И сейчас перед черной
Фашистской ордой
Не изменит винтовке рука.

Рвется к нашей Москве
Оголтелый палач...
Не сломить ему силы стальной!
Встанет вместе со всеми
Ивановский ткач
На защиту столицы родной.

Добрый путь вам, ивановцы!
Бейте врага!
Отомстите за жен и детей,
За колхозные села,
За наши луга,
За красу городов и полей!

Отомстите за все,
Что злодей загубил,
Сторожите на каждом шагу,
Чтобы, кроме земли
Для презренных могил,
Ничего не досталось врагу!

ПАТРИОТ

Свободна и богата
Родимая страна.
Насильникам проклятым
Не кланялась она.

Хранит свою отчизну
Советский патриот:
За счастье новой жизни
Он смело в бой идет.

Винтовка наготове
В руках богатыря.
В пути не остановят
Ни реки, ни моря.

Кровавые обиды
Врагу он не простит,
Товарища не выдаст,
За брата отомстит.

Его простая песня
Вольна и широка,
Душе прямой и честной
Она всегда близка.

Она летит по свету —
Под солнцем и грозой.
Сложила песню эту
Любовь к стране родной.

ПОЭТУ-БОЙЦУ

(Мих. Дудину)

Мой друг, о тебе вспоминаю, любя:
Простым и веселым я знаю тебя;
Минувшее наше, товарищ-поэт,
Храню я на сердце, как первый привет.
В дорогу суровую, в грозные дни
С собою понес ты желанья одни:
Любимой отчизне служить до конца
И словом поэта, и пулей бойца.

Бессонное море гудит в берега,
И бешено воют снаряды врага,
Но зорко глядят за родную черту
Защитники Ханко на славном посту;
Их воля не склонится перед бедой,
Ты ими гордишься, мой друг молодой,
Ты с ними, товарищ, становишься в ряд,
Стихи боевые о них говорят.

И прошлому память поэта верна:
К тебе издалека приносит она
Знакомые лица, покой вечеров,
Такое родное звучанье стихов;
Ты помнишь тепло задушевных речей,
Тебе вспоминается город ткачей
И домик приветливый возле реки,
И в час расставанья пожатые руки.

Мы крепкую дружбу везде сбережем:
В работе упорной, в огне боевом.
За дружбу идут миллионы людей,
Ее и железом не сломит злодей.
Пусть море бушует и буря ревет —
Мы знаем одну лишь дорогу — вперед:
Кровавой обиды врагу не простим.
За все мы отплатим, за все отомстим!

ДОНОР

Посвящаю Е. М. Сергееву.

Чем могу я тебе заплатить,
Мой товарищ-боец?
Беззаветной любовью полны
Миллионы сердец;
Всюду славное имя твое
У людей на устах:
За высокую доблесть твою,
За отвагу в боях.

Чем могу я тебе заплатить,
Мой товарищ-герой?
За отчизну ты жизни своей
Не щадил молодой;
Ты могучим орлом налетал
На грабительский стан,
Но от вражеских пуль ты упал,
Обессилев от ран.

Чем могу я тебе заплатить,
Мой товарищ и брат?
Я для родины честно тружусь,
Я здоровьем богат.
Много крови, родной богатырь,
Потерял ты в бою —
Полноценную, свежую кровь
Я тебе отдаю.

КОЛЬЦА ЗОЛОТЫЕ

Помню пору молодую,
Что вдали осталась.
С пареньком одним хорошим
Я тогда спозналась.
Были встречи, были речи,
Что ни день теплее.
Не шутил хороший парень —
И называл своею.
Под венец, как было нужно,
Встали молодые,

Обручались — надевали
Кольца золотые.

Дни за днями проходили,
Год спешил за годом...
— А не хватит ли банкирам
Помыкать народом?.. —
Так сказал Владимир Ленин,
И проснулась сила.
Прощалась я с любимым,
В битву проводила.
Не вернулся он, — сразили
Недруги лихие.
Сохранила я на память
Кольца золотые.

Много славы, много счастья
Мы в борьбе достали.
Освещает нам дорогу
Наше солнце — Сталин.
Пусть не думают фашисты
Властвовать над нами;
Мы сильны единой волей,
Мы крепки штыками.
Чтоб врага скорей доби́ли
Соколы родные, —
Отдаю на оборону
Кольца золотые!

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Пишу эти строчки
О друге хорошем,
О славном моем земляке.
Мне кажется: будто
Вчера я с Алешей
Встречался в родном городке.
Он в отпуск приехал,
Питомец Балтфлота,
Поэт, лейтенант молодой.
Ждала его дома
Любовь и забота,
Привет материнский, родной.

Ко мне приходил он,
Делился мечтами,
Заветные строфы читал:
В них мерный прибой
Говорил с берегами,
Алмазную пыль рассыпал.
И буря волной
Омывала утесы,
Линкоров стальные бока,
И песни походные
Пели матросы,
Готовые встретить врага.
О, как он любил вас,
Морские просторы,
Красивый матросский наряд,
В боях закаленный,
Прославленный город,
Одетый в гранит Ленинград!
И вот — не увижусь я
С другом хорошим,
Родных не проведает он:
В жестоком бою
Краснофлотец Алеша
Немецкою пулей сражен.
Он грудью отстаивал
Море и сушу,
Он честно народу служил,
Свою молодую
И пылкую душу
Он в дело свободы вложил.
За наше святое
Советское знамя
Он отдал все силы бойца —
Стихи и винтовку
Считал он друзьями
И верен им был до конца.
Как день золотой,
Разгорится победа
Немеркнущим ярким огнем:
В народе останется
Имя поэта,
И песня споется о нем.

СТАРИК

Рассказ

Семен Лукич повернулся на другой бок, поправив съехавшее одеяло, надеясь опять заснуть. Но сделать этого не мог: даже болезнь не отучила его вставать рано. Он приподнялся на локоть и долго шарил в темноте рукой по столу. Табакерки не было. Вместо нее Семен Лукич нащупал пузырек с лекарством.

«Куда она могла подеваться? — подумал он о табакерке. — Должна быть здесь».

Выпростав плечи из-под одеяла, еще больше подавшись вперед, Семен Лукич продолжал водить пальцами по холодной клеенке стола. Табакерки все не было. Вдруг он нечаянно толкнул пузырек. Тот, судя по звуку, медленно покатился и упал на пол.

— Ах, ты — нелегкая, — сказал обеспокоенно Семен Лукич, поднимаясь с постели. — Наделал делов... Чай, старуху разбудил.

Он привычным движением сунул ноги в просторные войлочные туфли, слегка покачиваясь, прошел по комнате и повернул выключатель. Лампочка не загорелась. Он повернул выключатель еще раз, еще, — света не было.

— Паршивцы... все испортили.

Только сейчас он ясно подумал о том, что в городе немцы. Это произошло, видимо, дней десять тому назад, в самый острый приступ его болезни, когда он лежал без памяти, тяжело погрузив в подушку голову с легкими седыми волосами.

До этого к нему заходил Андриан Слепнев, секретарь заводского партийного комитета. Небольшого роста, оживленный, он сел на стул, опершись подмышкой на круто выгнутую спинку, и торопливо сказал:

— Надо, Семен Лукич, тебе уезжать...

— Куда это? — удивленно спросил старик, высоко подняв на лоб свои густые брови, еще темные около кожи.

— Завод переводится в тыл. Город могут занять немцы.

— Да-а... — сказал неопределенно Семен Лукич, словно только для того, чтобы иметь возможность подыскать необходимые слова для ответа. — А скажи-ка ты, Андриан, — оживленно продолжал он, — куда же мне ехать в таком состоянии? Чай, думаю, не доведете меня...

— Но тебе нельзя оставаться-то, — сказал внушительно секретарь. Он повернул стул спинкой назад и, склонившись ближе к Семену Лукичу, заговорил тише: — Если немцы узнают, что у тебя сын коммунист, да еще командир Красной Армии, — они будут, сволочи, издеваться над тобой. Понимаешь, — убить могут.

— Убить? — сказал вопросительно старик и опять поднял на лоб брови. Потом опустил их, помолчав некоторое время, и согласился: — Да, они — могут.

— Значит, надобно ехать, Семен Лукич.

— Эх, Андриан хороший, — вздохнул старик. — И болезнь не позволяет... и сердце не туда свой путь держит.

Он приподнялся, на сколько мог, поглядел на жену, которая только что вошла в комнату, и движением бровей попросил секретаря нагнуться к нему еще ближе. Когда Слепнев нагнулся, он шопотом сказал:

— Разве не понимаешь? Ведь это город-то мой. Я вместе с ним, почитай, вырос. Вроде как ровесники мы. Вот что... И завод мне тоже ровесник. Когда я пришел в город, он был так себе... немудрящая мастерская. А теперь... Поди-ка ты обойди в день. Я думаю, ты, чай, и не знаешь, как называлось раньше это место?

— Нет, — сказал Слепнев.

— Ну, то-то же... Поселок тогда назывался Мокрые Кочки. Значит — вода здесь была, неудобное для жилья место. А теперь — целый город понастроили. Идешь, а под ногами — асфальт, спотыкнуться не за что. И все это делалось на моих глазах. А ты — уехать...

Опустившись на подушку и опять взглянув на жену, Семен Лукич громко сказал:

— Не могу, Андриан, ехать, не могу. Помру в дороге. Вы уж поезжайте без меня. Выздоровлю, чай, найду вас.

Обратившись к жене, он спросил:

— Ты что?

— Принесла микстуру. Доктор говорит, — самая для тебя полезная.

— Дакошь ее сюда.

Семен Лукич взял пузырек, взболтал микстуру, поглядел на свет и важно заметил:

— Жидкость, видать, хорошая, — цветом приятная.

Он поставил лекарство на придвинутый к кровати стол и, встретившись с взглядом Слепнева, сказал:

— Так-то вот, Андриан... Значит, давай прощаться. Поможет микстурка — увидимся, не поможет... Одним словом — давай простимся, а там видно будет.

Они обнялись и поцеловались. Однако дня через два Слепнев заехал на машине, чтобы увезти с собой старика. Но Семен Лукич уже лежал без памяти. Слепнев оставил жене сверток с продуктами и уехал. И вот прошло около двух недель. Семен Лукич первый раз почувствовал облегчение и встал. За время болезни жена рассказывала ему о том, что в город вошли немцы, как они грабили жителей, издевались над ними. А вчера после полудня Семен Лукич сам слышал, как в городе что-то ахнуло, так что под ним качнулась кровать. Это, оказывается, немцы взорвали завод, на котором он проработал около пятидесяти лет.

В комнату вошла жена Семена Лукича, худенькая, маленькая женщина с выразительными, как в молодости, глазами. Она была в нижней сорочке и юбке. На плечи наброшена тяжелая шаль с длинной бахромой. В одной руке держала маленькую керосиновую лампочку, а другую протянула вперед, словно отодвигала от себя темноту.

— Ты что встал? — удивленно спросила жена.

Семен Лукич нашел пузырек, поставил на стол:

— По табаку соскучился. Подымить охота...

— Что это потянуло тебя? Ложись, чай, еще немощно стоять на ногах-то.

— Ничего, держусь. А где моя табакерка?

— В горку убрала. Она — пустая.

— Дакось мне её.

Жена принесла табакерку. Семен Лукич раскрыл ее и, поднеся к носу, жадно потянул в себя воздух. Но от нее пахло не табаком, а сухим деревом.

— Ты спать-то ляжешь или уж нет?

— Пожалуй нет. Какой теперь сон? — Мечтательно улыбнувшись, Семен Лукич напомнил: — Бывало, в это время я на работу выходил. Чай пил...

— Теперь не попьешь, — сказала жена. — Сахара нет... да и хлеба тоже нет. Ничего нет.

— Немцы все пожрали? Так, так... И свет они попортили, вшивые мерзавцы!

Лампочка в руке жены вздрагивала, язычок пламени касался стекла и коптил. Семен Лукич заметил:

— А ты не пугайся. Мы в своем доме-то. Они здесь, надо полагать, долго не задержатся. Пускай они трясутся, а не мы с тобой. Держи крепче лампочку. Она — коптит...

— У меня руки озябли. Комната не топлена... дров нет. А чего ты в исподнем белье стоишь. Оденься.

Семен Лукич вышел в коридорчик, накинул на плечи замасленный и залубенелый нагольный полушубок, в котором он обычно ходил на завод, и прошел в кухню. Жена следовала за ним, высоко держа лампочку. Окно кухни было завешено ватным одеялом. Снизу по краям одеяла выступил иней.

— Здесь тоже не топлено, — сказала жена, ставя на стол лампочку. Семен Лукич надел полушубок в рукава, плотно запахнул и сел на стул, на то самое место, где он всегда садился, когда обедал или пил чай. Кажется, все было так же, как прежде, и вместе с тем все было не так. За стеной дома распоряжались чужие люди, которые вторглись в жизнь мирных жителей города, все нарушили, обесчестили, надо всем надругались. Самоуправство этих чужих людей отражалось и здесь, в этой маленькой квартирке двух старых, почти беспомощных людей.

Раньше у них было почти все, теперь — ничего. Работая на заводе, Семен Лукич никогда ни в чем не нуждался. Старикам вполне хватало того, что он зарабатывал. А кроме того, жена получала пенсию. И когда сын присылал им денег, они писали ему в ответных письмах,

что он делает, это напрасно и даже обижает, потому что они ни в чем не нуждаются. И никогда не будут нуждаться.

А теперь все это нарушено. Кто их звал сюда? Зачем они пришли, эти мерзавцы? Чтобы отнять у людей жизнь? Но разве это можно сделать? Они могли лишить этих двух стариков света, дров, хлеба. Они могли их лишить всего. Но жизнь у них отнять нельзя. Они ее никому не отдадут.

Жена скипятила воду, положив на стол синий мешочек, в котором лежали случайно уцелевшие высушенные куски черного хлеба, которые они прежде отдавали соседке, державшей у себя кур. Теперь они пригодились самим. Семен Лукич доставал сухари, размачивал их и медленно похрустывая, пережевывал слабыми зубами. Жена смотрела на него блестящими от слез глазами и молчала.

— Ты чего? — строго сказал он. — Ты никак плачешь? Это ни к чему. Ты — ешь, ешь... Они хорошо моknут, — показал он на сухари.

— Чего же тут хорошего? Хорошего мало... А прежде-то...

Семен Лукич перебил ее:

— Мало ли, что было прежде. Сам знаю. Перетерпеть надо. Опять скоро будет все. Не век им бывать здесь, поганцам. Придет сын — и все будет опять хорошо.

Когда на улице совсем рассвело и жена раззавесила окно и погасила лампочку, Семен Лукич поднялся, стал одеваться. Жена испуганно спросила его:

— Ты куда?

— Выйду погляжу, что в городе делается.

— И не выдумывай. Куда ты пойдешь?

— А ты не препятствуй мне. Я свое дело знаю.

— Они тебя убить могут.

— Ну так что?

— А какая у тебя нужда идти в город?

— Надо посмотреть. — Понизив голос и стараясь говорить как можно внушительнее, Семен Лукич пояснил: — Как ты не можешь понять: я хозяин своему городу или нет? Я строил его, он — мой. Значит, надо поглядеть, что с ним сделали фашисты. — Улыбнувшись

он мягко сказал: — Я вроде как уполномоченный. Понимаешь? Я все должен посмотреть. А когда будут немцы нести ответ, я скажу: вот они что сделали, вот что, вот... Нет, — сказал он повышено, — ты и не задерживай меня, не препятствуй. Я все равно пойду!

Жена глядела на него с сокрушенным видом, словно прощалась надолго, и спросила:

— Ты же больной, побереги хоть свое здоровье. Только поднялся с постели — и на улицу. Там сильно морозно. Ну, куда ты пойдешь?

— Ничего, ничего... Я потеплее оденусь. Не печалься, старуха! — сказал он весело, как это делал всегда, когда хотел, чтобы она согласилась с ним.

Жена только покачала головой. Она знала, что с ним ничего уже нельзя поделать, если он что-нибудь решил сделать.

Он обулся в валенки, надел меховое пальто, шапку, застегнулся на все пуговицы, хлопал себя ладонями, чтобы убедиться, насколько все плотно лежит на нем, и пошел. На пороге обернулся:

— Я долго не прохожу, не беспокойся. Я себя тоже умею хранить. — Семен Лукич вышел на улицу и сощурился. Глаза отвыкли от яркого снега, от солнца, которое поднималось в бледном тумане, просвечивая сквозь него большим красным шаром без лучей. Было морозно. Снег скрипел под валенками. Он лежал неубранным, скрыв под собой мостовую, трамвайные рельсы. Только на тротуарах были протоптаны узенькие тропинки.

— Так, так, — сказал неопределенно Семен Лукич, продолжая идти.

Некоторые телефонные столбы были повалены и лежали поперек дороги. Один из них завалился на дом и, примяв крышу, так и остался в наклоненном положении. Провода оборваны, и концы их были занесены снегом. Семен Лукич остановился и прислушался. Всюду было тихо, словно город вымер. А когда-то по расчищенным улицам бегали трамваи, машины, тротуары — полны народом. Но он знал, что люди в городе остались, не все ушли. Только они сидят дома, не смея выйти на улицу. Может быть, они смотрят сейчас за ним. И то, что вот он идет по улице, это поддерживает в них уверенность, что город все-таки принадлежит им, а не забежавшим

грабителям. И сознавая это, Семен Лукич шел важно, с высокоприподнятой головой, опустив руки в карманы.

На площади, на тамвайном столбе висел труп человека. Он был с открытой головой и босыми ногами. Руки далеко высунулись из рукавов ватной куртки. Семен Лукич подошел ближе, но его окрикнул незамеченный им раньше немецкий часовой. Он вскинул винтовку и движением штыка показал, куда надо уходить. Семен Лукич пристально поглядел на часового из-под низко опущенных бровей и проговорил:

— Вон, оказывается, ты каков. Так, так... Уйти, значит, мне нужно? Ладно, уйду. Но я еще приду сюда... когда ты, сукин сын, будешь на этом же столбе мотаться. Я — приду, — сказал он уже громко, и решительно свернул в сторону, чтобы пойти поглядеть, что осталось от завода.

Но туда его не пустили, и он повернул обратно. Выглянувший из ворот человек сказал ему:

— Тебе бы здесь, Семен Лукич, не след ходить. Подстрелить могут.

— А ты не пужай меня. — Он взглянул в человека и узнал в нем одного из рабочих завода. — Как же не ходить, мил-человек, смотри-ка, что они с заводом-то сделали.

— Взорвали, подлецы.

— Ты видал, как подорвали? Или по слухам говоришь? — торопливо спросил Семен Лукич и наклонил слегка голову набок, словно приготовился слушать рассказ.

А человек высунулся в калитку и скороговоркой зашептал:

→ Идут, Семен Лукич. Они — идут. Пройди в дом... как бы не случилось беды.

— Какой беды?

— Немцы идут. Пройди в дом.

Семен Лукич опустил свои лохматые брови и посмотрел вдоль улицы. По ней, приближаясь к ним, шло несколько немецких солдат. Они шли вразброд, громко между собой разговаривая, оступаясь и проваливаясь с тропинок в снег.

— Кажется, пьяные, — сказал человек. — Охальничать будут.

— Они? — строго произнес старик. И вместо того, чтобы пройти во двор, он пошел им навстречу. В эту минуту Семен Лукич почувствовал в себе такой прилив ненависти к немецким захватчикам, такую неукротимую ярость, что не в силах был совладеть с собой, чтобы покориться и войти в ворота дома. Он был в своем городе. Он здесь хозяин, а не эта кучка пьяных вояк, бредущих по улице. Приподняв гордо голову, опустив глубоко руки в карманы, с тем же сознанием собственного достоинства, с которым он ходил всегда раньше по городу, — он смело пошел им навстречу. Он сейчас ни о чем не думал, как только о том, что он не позволит никому распоряжаться в его родном городе.

Немецкие солдаты все приближались. Он слышал, как один из них что-то насвистывал, держа автомат на руке. Он чаще других оглядывался на окна, словно опасался, что из них могут выстрелить. И чем ближе приближались солдаты, тем дальше, через их головы смотрел Семен Лукич. И не потому, что не хотел встречаться с ними взглядом, а потому, что хотел показать этим, что он не замечает их, а если и замечает, то не придает этому никакого значения.

Шедший впереди солдат, поравнявшись с Семеном Лукичем, толкнул его. Старик не сдержался и оступился одной ногой в снег.

— Жидковат, — сказал презрительно Семен Лукич. — Даже свалить не мог. Старика-то... Вот если бы я толкнул...

Он не успел договорить. Толкнувший его солдат сорвал с его головы шапку и стал вертеть в своих грязных пальцах. Семен Лукич стоял с приподнятыми вверх легкими седыми волосами и переводил глаза то на шапку, то на солдата. Затем, вынув из снега ногу, он вырвал из грязных рук солдата свою шапку, надел ее и встал так, словно требовал себе дорогу.

— Чтобы я перед вами шапку снял? Да пропади вы все пропадом!.. — сказал Семен Лукич и хотел продолжать идти. Но передний схватил опять шапку и надел на себя. А тот, который насвистывал, ткнул ему в живот автоматом и завернул полу пальто. Что-то сказал другому солдату, и они громко засмеялись. И не успел Семен Лукич что-либо решить, как эти двое схватили его за

руки и стали торопливо, скребя по сукну замерзшими ногтями, расстегивать пуговицы пальто.

Только теперь Семен Лукич понял, что хотели от него, немецкие грабители. И как это ни странно, он не стал кричать, вырываться. Он понял, что это сейчас бесполезно. В окна из глубины комнаты на него смотрели люди. Они такие близкие, родные. Они сочувствовали ему. Но помочь ничем не могли. Тогда надо было поступить так, что старик, которого так хорошо все знали в городе, показывает им, как надо держаться.

Сняв с него шубу, домашний ватник с маленьким кармашком для часов, немецкие солдаты потребовали, чтобы он снял с себя валенки. Но это раздевание не было только грабежом. Раздевая, они этим хотели унижить человеческое достоинство Семена Лукича. Они хотели не только воспользоваться его шапкой, шубой, валенками. Они хотели морально унижить его, покорить его русскую душу, поставить перед собой на колени этого гордого, непреклонного старика.

Это, кажется, поняли и сами немцы. Раздевая Семена Лукича, они хотели устроить сцену, над которой можно было бы позабавиться, показать, что они здесь могут делать все. Вот они сейчас разденут, разуют старика и будут смотреть, как он побежит босыми ногами в мороз по снегу. И чтобы было смешнее, они стащили с его ног даже нитяные носки.

— Бегайт, бегайт, — сказал обер-ефрейтор.

Солдаты уже приготовились было смеяться. Но старик не думал бежать. Выпрямившись, с высоко поднятой головой, словно ничего с ним и не случилось, Семен Лукич, первый день вставший с постели, мужественно пошел вдоль улицы. Пусть те, кто смотрит на него из окон, поймут его, что он не считает себя побежденным. Чтобы с ним ни делали эти грабители, он остается в своем городе хозяином. Он шел, как в тепло натопленной комнате, и только вздернутые вверх седые волосы слегка шевелились от воздуха.

— Бегайт! — дико закричал обер-ефрейтор, и пена показалась у него в углах растянутого рта. — Бегайт!

Но старик продолжал идти спокойно и прямо. Ноги у него посинели, потом матово пожелтели, уши сделались белыми. Это стоило величайших усилий — перенести

нестерпимый холод. Солдаты стояли с застывшими физиономиями и несколько минут не знали, что делать. И лишь когда закричал обер-ефрейтор, один из солдат вскинул автомат и прострочил воздух. Семен Лукич продолжал идти, не оглядываясь и не прибавляя шагу.

Тогда обер-ефрейтор выхватил из рук солдата автомат и выпустил сразу несколько длинных очередей. Семен Лукич остановился, выгнул назад спину, качнулся вправо, влево, словно выбирая, куда лучше упасть. Затем, приподняв руки с сжатыми кулаками, он упал лицом в снег. Некоторое время он лежал без движения. Потом стал медленно приподниматься. Но потом не удержался и опять упал ничком.

Он очнулся только на постели того самого человека, который просил его зайти к нему в дом. Склонившись над ним, человек сказал:

— Эх, Семен Лукич, не тебе бы встречаться с ними. Разве они что понимают? Это изверги, а не люди!

Семен Лукич сделал движение пальцами левой руки, задыхаясь сказал:

— Что случилось, того уж не ворочают. Только не пужай мою старуху. Не говори ей, прошу тебя...

Но когда после забытья пришел в себя, он увидел сидящей на постели свою жену. Она сидела и плакала. Слезы текли по лицу, и несколько капель их висело на подбородке. Видимо, она пришла сюда давно. Он поглядел на нее из-под опущенных бровей, тихо и ласково сказал:

— Чего ты?.. Не надо, не надо плакать. Зачем плакать? Я — не умру, не беспокойся. Мне нельзя умирать. Я видел, какие они, немцы. Когда придут наши, придет наш сын, я расскажу ему все. Он знает, что с ними делать. Ну, перестань, старуха.

Жена уронила в дрожащие руки голову и заплакала еще сильнее.

— Скажи ей, — обратился он к человеку, — скажи, что останусь живой. Пусть она успокоится. Я — не умру. Нет.

Он сказал так внушительно, что этому нельзя было не поверить.

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Ударил час — и по родным просторам
Народ смыкается в стальную рать.
Мы не дадим тебе, фашистский ворон,
Грудь нашего отечества терзать.

Ты обречен, стервятник кровожадный,
Историей на гибель обречен.
Уж приговор суровый, беспощадный,
В сердцах у нас тебе произнесен.

Нет в мире благороднее удела,
Чем быть борцом за правду до конца.
Мы правое отстаиваем дело,
В одном порыве слили мы сердца.

Мы в бой идем за родину, за близких,
За наши нивы, села, города, —
Идем, чтоб банды варваров фашистских
С лица земли исчезли навсегда.

ГЕРОИ

Он в лазарете лежал, но ему ли
Быть в стороне от военной страды?
— Нет, я здоров! —

И полковник Мишулин
Снова встает в боевые ряды.

Преодолея волей железной
Ран незалеченных жгучую боль,
Храбрых танкистов отряд краснозвездный
Снова ведет он за родину в бой.

Грозен, неистов натиск танкистов,
От командира бойцу не отстать.
Смяты, растоптаны банды фашистов,
Наглых пришельцев раздавлена рать.

Страшно для стана фашистско-немецкого
Имя: Василий Мишулин. Оно
В список героев Союза Советского
Нашим Правительством занесено.

Сердце взволновано гордой отрадой:
Эта награда вдвойне нам близка;
Родина-мать, ты венчаешь наградой
Друга ивановцев, их земляка.

Вырос он в нашей Ивановской области,
Об руку с нами шагал он всегда
Славной дорогой героизма и доблести,
Славной дорогой борьбы и труда.

Снова идем мы дорогой одною,
Эта дорога к победе ведет.
Всею великой советской строною
Дружно идем мы к победе, вперед.

КАПИТАН ГАСТЕЛЛО

Бессмертен тот, кто, жертвуя собой,
Отчизну-мать отстаивает смело.
Он соколом летел на смертный бой,
Бесстрашный летчик, капитан Гастелло.
Внизу машины вражеские шли,
Снаряды рвались возле самолета.
Фашистские зенитчики с земли
Обстреливали храброго пилота.

Подбитой птицей дрогнул самолет,
Насквозь пробитый вражеским снарядом.
Кругом огонь бушует и ревет,
И смерть в лицо глядит зловещим взглядом.
Пилот, ты мог бы выброситься вон,
Но ненависть к врагам в тебе кипела!

Нет, не хотел врагам сдаваться он,
Бесстрашный летчик, капитан Гастелло.

Пусть только смерть, чем плен!

И капитан
Свой самолет, объятый вихрем жгучим,
Направил твердо на фашистский стан,
На тесные ряды цистерн с горючим.
И все, что было в этот час под ним,
В огне на воздух высоко взлетело.
Мы навсегда любовно сохраним
Большое имя: Николай Гастелло.

КЛЯТВА

В чаще леса посреди поляны
Собирались братья-партизаны,
Под походным знаменем вставали,
Клятву чести родине давали:

— Мы клянемся клятвой нерушимой
Быть защитой стороне родимой.
Мы клянемся клятвой партизана
Мстить врагам жестоко, неустанно.

Мстить за каждый город разоренный,
За сожженный сад темнозеленый.
За насилие, пытки и мученья
Взвеем пламя яростного мщенья! —

Чутко слушал лес, листвою одетый,
Боевые грозные обеты.
Словно копья, ели поднимались,
Как знамена, клены колыхались.

— Мы клянемся! — по лесу катилось,
По полям, по нивам разносилось.
Всю страну от края и до края
Облетела клятва боевая.

В каждом сердце светит пламя мести,
Весь народ спаяла клятва чести.
Всем народом, братья, мы клянемся,
Что победы над врагом добьемся!

СЕСТРА

Облик девушки славной,
Мягкий очерк лица,
Красный крест нарукавный,
Гимнастерка бойца.

Весь народ грозовая
Породнила пора.
Всем бойцам ты — родная,
Всем бойцам ты — сестра.

Все душевные силы,
Все порывы свои
Горячо ты вложила
В подвиг братской любви.

Сердце лаской богато,
Много в нем теплоты.
К ранам воина-брата
Тихо склонишься ты.

На великое дело,
На защиту страны
Поднимаются смело
И отцы и сыны.

Подвиг свой совершая,
В их рядах ты идешь.
Вместе с ними, родная,
Ты победу куешь.

ЭПИЗОД

Мирно ребята у хаты сидели,
С песней венки из ромашек плели.
Солнце сияло, кусты шелестели,
Сладкие запахи шли от земли.

Вдруг потускнело сиянье дневное,
Тень осенила детей с высоты.
Кружит над ними чудовище злое,
Черная птица, на крыльях — кресты.

Ливнем стремительным пули летели,
Скоро затихли и стоны и плач.
Наверняка по намеченной цели
Бил с самолета фашистский палач.

Вспыхнула хата — и в свете пожара
Окровавленные рдели венки.
Грянь же грозою, священная кара,
Смерти двуногих зверей обреки!

СИЛА НАРОДА

Тяжелыми тучами, мглою ненастной
Холодный закрыт горизонт.
Умножим заботы об Армии Красной,
О братьях, ушедших на фронт.

В суровые дни непогоды согреем
Защитников храбрых своих;
Как майской теплыню, любовью повеем
Сердечным участием на них.

Пошлем им, товарищи, теплого платья,
Пускай и в мороз и в пургу
Несут на штыках наши храбрые братья
Отмщенье и гибель врагу.

Пусть вязаный шарф, полушубок, фуфайка
Расскажут бойцам, что крепка
Исконная связь, неразрывная спайка
Винтовки, серпа и станка;

Что люди советской страны ежечасно
Проникнуты душой одной
О братьях на фронте, об Армии Красной,
Об Армии нашей родной.

Не выстоит недруг пред силою грозной,
Пред силой народа-бойца,
Страна, ты в союзе с зимою морозной
Врагов истребишь до конца.

НАЧАЛО КОНЦА

Гремят раскаты бранной бури,
Фашистский потрясая стан.
Шакал со свастикой на шкуре,
Тебе не скрыть глубоких ран.
Назад, на запад, в сумрак снежный
Уходят полчища громил.
Простор серебряный безбрежный
Покрит буграми их могил.

А тех, кто жив, тревога гложет:
Им не укрыться никуда.
Уже ничто им не поможет
Спасть от грозного суда.

В чужой стране, вдали от дома
Под ливнем стали и свинца
Пришло начало их разгрома,
Начало близкого конца.

Страна советская сурова,
Полки ее богатырей
Готовы гнать без останова
Толпу фашистских дикарей.

За оскверненный прах Толстого,
За изуродованный сад,
За кровь на улицах Ростова
Им беспощадно отомстят.

Враги бегут, бросая танки,
Бегут в морозный мрак, в пургу...
И ветер леденит останки
Горилл, упавших на бегу.

И хмуро полевые дали
Пред пестрым скопищем врагов,
Как смертный саван, разостлали
Широкий холст своих снегов.

МЯГКОЕ СЕРДЦЕ

Павел Минаич Кораблев считался человеком тихим и мешковатым. В колхоз он пришел в числе последних.

— Все продумал, — сказал он, — буду работать не хуже других. Трудился не торопясь, всегда спокойно и долго, и на доске показателей его фамилия занимала почетное место.

Любовь к людям, к вещам вспыхивала в его душе не часто, но если что-нибудь ему полюбит, то уж крепко, надолго. Из всех сельскохозяйственных машин больше других ему понравилась льнотеребилка.

— Хитро придумана, — говорил он. — Рукастая машина.

Он всегда с нетерпением ждал осени — начала теребления и работал на своей машине с увлечением, чуть ли не целыми сутками.

Нынче во время уборки льна фронт подошел к колхозу близко, но Павел Минаич работал с непрерывной невозмутимостью.

Однажды появился вражеский самолет и начал кружить над полем.

— Ложись, — сказал Павел Минаич колхозникам. Прильни к земле. Обстреливать будет.

Колхозницы уползли в лен и затаились. Но фашистский летчик кружил над полем, не стреляя. Потом он отошел в сторону и взмыл повыше.

Павел Минаич следил за ним и увидел, как фашистский самолет вытряхнул из себя пять белых клубков.

Минаич пригнувшись подбежал к колхозникам и сказал:

— Я все продумал: берите колья... Бейте их в тот самый раз, когда они только земли коснутся.

Недалеко был огороженный прогон. Павел Минаич разобрал прясла и вооружил всех колхозниц кольями. Сам себе выбрал кол поувесистее. Фашисты ладили снижаться на лесную поляну, но ветер упрямо относил их на поле льна. Павел Минаич притаился за кучей снопов, и как только один из фашистов стал приближаться к земле, бросился со всех ног к нему. Парашютист при соприкосновении с землей не устоял на ногах, упал. Парашют в первую минуту стал свертываться, но вдруг, наполнившись ветром, вздулся и потащил немца по полю. Павел Минаич погнался за немцем и принялся бить колом плашмя, как бьют палкой убегающую мышь. Он отбил сначала ноги... Последний удар по спине и затылку оказался смертельным.

Павел Минаич с презрением пнул немца ногой и сказал:

— Сколько льну сукин сын примял.

Колхозницы ухлопали еще двух фашистов, двое убежали в лес.

— И этих пымаем, — сказал Павел Минаич. — Надо военным сказать. Поди-ка, Фрося, доложи.

Перед приходом немцев в село, активисты и все колхозники, кто посильнее и поздоровее, ушли в партизаны. Кораблев как-то замешкался и не пошел с ними.

Спустя некоторое время он пристал к красноармейской части.

Перед уходом жена говорила ему:

— Куда ты? Ведь тебе шестой десяток пошел. Сиди дома! Ты старей — тебя немцы не тронут.

— Хоть я и старей, а сердце-то у меня есть, — сказал Павел Минаич.

В Красной Армии дали ему дело — подносить мины. Во время боя Кораблев неловко и мешковато уползал за минами, и, глядя на него, казалось, что он век не вернется. Но Павел Минаич во-время успевал к миномету с лотками мин, и лицо его сияло радостным оживлением, и глаза, по-детски чистые и ясные, смотрели задорно.

Под ожесточенным огнем неприятеля он тотчас же бесстрашно уползал за новым запасом мин и вновь возвращался с полными лотками невредимым и оживленным.

Минометчики любили Павла Минаича. Любили просто за то, что с ним легко и приятно было жить, вместе

воевать. С первого взгляда он был как будто неловок, никогда не торопился, но и никогда никуда не опаздывал и не находился без дела. В блиндаже он как-то умел создавать для всех удобства и уют. Разведение огня он умел превратить в общее удовольствие. В эти минуты он весело разговаривал, сладко покряхтывал, похлопывал руками и от одного этого всем становилось тепло и радостно.

В одном из крупных боев минометчики оказали огромную помощь пехоте в продвижении вперед. Павел Минаич аккуратно доставлял лотки с минами. На этот раз он по местности, на которой головы нельзя было поднять от вражеского огня, ухитрился доставлять двойные порции мин. Командир батальона, проходя на переднюю линию, заметил беззаветного труженика боевой страды.

— Давай я тебе помогу, — сказал он.

— Я управлюсь, товарищ командир... Управлюсь, — ответил Павел Минаич, поспешая к минометам.

Минометчики в этом бою заслужили благодарность. Они особо выделили заслуги бойца Кораблева, который, несмотря на страшную опасность, обеспечил снабжение минами. Командир перед строем, поблагодарив его, пожал руку и объявил о присвоении ему звания сержанта.

Павел Минаич обрадованно смотрел на командира ясным и просящим взглядом.

— Ты что-то хочешь сказать, Кораблев? — спросил командир.

— Да, хочу сказать, товарищ командир, — медленно проговорил Павел Минаич, — мне бы автомат!..

— Что тебе так вздумалось?

— Нравится он мне... Очень работающее орудие. Давно мечтаю, между делом я изучил его подробно.

Через недолгое время ему доверили командование взводом автоматчиков.

Красная Армия наступала, занимая села, деревни, города. Войска шли дорогами, загроможденными танками, автомашинами, орудиями, оставленными противником, шли заснеженными полями, усеянными трупами фашистов.

Однажды Павел Минаич явился к командиру и сказал:

— Товарищ командир, в десяти километрах отсель перед нами мое родное село. Разрешите мне его почистить. А пока я его чищу, вы тем временем подойдете.

Командир разрешил. Автоматчики на лыжах, в белых халатах незаметно подобрались к селу ночью. На окраине нашли в ямах несколько местных жителей. Павел Минаич досконально узнал от них, где и в каком количестве расположились немцы.

По указанию командира автоматчики по задворкам разошлись по селу, заняли переулки, перекрестки. Когда все заняли свои места, Павел Минаич велел одному из обнаруженных в ямах подростку Михееву бежать вдоль села и вопить истошным голосом:

— Русские идут... Русские идут!

Подросток постарался. Он так неистово кричал, что немцы, испуганные этим криком, немедленно выскакивали на улицу.

Те фашисты, которые выбежали на улицу, остались лежать на снегу. Оставшиеся в домах забились в дальние углы, надеясь отсидеться тут и потом выбраться к своим.

С рассветом стрельба в селе утихла.

Утро наступило хмурое, морозное, с тяжелым серым сырым туманом, в котором даже ближние избы темнели бесформенными пятнами. К автоматчикам пробирались жители и сказывали, где затаились фашисты. Павел Минаич стоял за уцелевшей стеной каменной палатки. В ней прежде колхоз хранил съестные припасы для артельной столовки и детских яслей.

Автомат его уже остыл. Впереди, в нескольких десятках метров от него, там и тут чернели скрюченные трупы фашистов.

Над головой Павла Минаича тихо, еле махая крыльями, пролетела галка и опустилась на деревянную полку, уцелевшую на каменной стене. Павлу Минаичу вспомнилось, что на этой широкой полке колхозный кладовщик хранил новую запасную посуду для столовки. Птица прошла по полке, добралась до уголка и, прижавшись к стене, нахохлилась и затихла. Павел Минаич протянул к ней руку; птица только чуть-чуть шевельнулась и дальше забилась в угол. Разгоряченный боем, Павел Минаич только сейчас понял, как сегодня холодно, птица озябла до того, что не могла уже летать. Он бережно взял ее в руку, — она была худа, очень легка, — и посадил отогреваться за пазуху, под халат. Галка поскребла

лапками по дубленой коже меховой тужурки, зацепилась и затихла.

— Вот он, — раздался за спиной сержанта знакомый голос красноармейца. Вскоре он увидел перед собой сгорбленную, съезжившуюся фигуру, закутанную в какое-то веретье. На Павла Минаича смотрели скорбные слезящиеся глаза жены. Как она постарела и сгорбилась за эти недели хозяйничанья немцев в селе. Была женщиной моложавой, прямой и крепкой, а сейчас перед ним стояла старуха.

Да, Елизавета Михайловна, черные, мрачные дни пережила ты! С трудом подняла она руку, оттянула вниз, с носа и рта вязанку и проговорила надтреснутым простуженным голосом:

— Родной мой! Довелось вот свидеться.

Павел Минаич, крепко придерживая автомат, свободной рукой обнял ее и не мог произнести ни одного слова. Жена спросила.

— Зайдешь домой-то или некогда?

— А сохранился он?

— Да стоит еще... Сама-то я в яме живу... Выгнали...

— Надо бы зайти — хоть глянуть.

Он передал командование помощнику и пошел вслед за женой. На улице стояла мертвая тишина, только изредка кое-где мелькали фигуры автоматчиков. У ворот и крылечных дверей домов, в переулках и на улицах всюду валялись убитые немцы.

— Производительность труда у нас сегодня хорошая, — стараясь оживить жену, громко произнес Павел Минаич.

В доме было холодно, мерзко. На грязном столе валялся обрывок бумаги с массой раздавленных на нем вшей. В углу обрывка, на чистом месте было написано: $49+16+7$. Видимо, фашист подсчитывал свой трофей.

С холодной печи выглядывали сиденье и руль мотоцикла.

— А это что? — спросил хозяин, заглядывая на печь. — Как он попал сюда?

— Да отогревать, видно, затащили разбойники.

На полу у передней стены валялись мелкие осколки стекол. Раньше эта стена была вся увешана фотографиями детей, родственников и друзей Павла Минаича.

Некоторые из них теперь растоптаны на грязном полу, а оставшиеся на стене изрешечены пулями. Расстреливая фотографии, фашисты метились в лица, попадали плохо и в злобе выпускали, видимо, десятки пуль.

Павел Минаич вздохнул, быстро прошелся по избе. Галка заскреблась под халатом. Павел Минаич вспомнил о ней, вытащил из-за пазухи, подержал на руке и решил пустить ее в подпечье. Там он, бывало, по зимам отогревал озябших куриц, маленьких ягнят...

Он склонился к устью подпечья и легонько подбросил туда галку. Там что-то вдруг шарахнулось: галка испуганно, подпрыгивая и падая, с трудом выбралась обратно, добрела до стены и затихла тут. Павел Минаич схватился за автомат. Жена вскрикнула и невольно сделала движение рукой, похожее на крестное знамение.

Павел Минаич одобрил жену взглядом и проговорил:

— Тут, видно, у нас «гость»...

И грозно крикнул:

— А ну, выходи!

Тихо.

Павел Минаич направил ствол автомата в подпечье и сделал одиночный выстрел... В подпечье кто-то ошалело завозился и тяжело пополз. Фашистский солдат пятился оттуда раком. Сначала показались ноги в стоптанных, рваных ботинках. Одна нога была обмотана синим передником, другая невыделанными шкурками. Свои обмотки фашист вместо веревок завязал проволокой. На мундир он надел вязаную юбку. Для рук немец по бокам юбки вырезал прорехи и затянулся ремнем. Голова поверх пилотки была обмотана старинным ковровым полушалком. Такие платки хранились у некоторых колхозниц, как память о матери или бабушке. Фашист неуклюже выпрямился, исподлобья посмотрел на Павла Минаича, на его автомат и поспешно поднял вверх руки.

— В мирное время ухохотались бы на это чучело, а сейчас не до смеху... Возьму вот нож, да исколю мерзавца, живого места не оставлю.

Уставив на фашиста автомат, Павел Минаич сказал жене:

— Сними с него оружие. Обыщи.

Елизавета Михайловна, брезгливо отворачиваясь, обыскала немецкого солдата и доложила:

— Ничего нет.

Немец настороженно смотрел, то на дело перевода взгляд то на Павла Минаича, то на Елизавету Михайловну.

«У него должен быть автомат», — подумал Павел Минаич.

Пальцем показал фашисту на его руки, потом на свой автомат и громко, как будто разговаривая с глухим, спросил:

— Где твоя такая же штука?

Немец понял, завертел головой и замахал руками. Елизавета Михайловна пояснила:

— Он, видно, говорит, что ночью испугался, бросил ружье на улице, забрался под печку.

— Я понял, — отозвался Павел Минаич. — Ну, бросил так бросил. Так и запишем.

Немец жалобно что-то забормотал, показывая на свои продранные ботинки и на дверь, зябко поежился.

— Просит на мороз его не водить, он, дескать, там замерзнет. Боится, что ты ружье его заставишь искать, — сказала Елизавета Михайловна.

— Боится замерзнуть... А на себя намотал, сукки сын, целое приданое.

Павел Минаич попытался и опустился на единственную оставшуюся в доме табуретку, кивнул на клочок бумаги, валявшийся на столе, и проговорил:

— Ты это арифметикой занимался? Урожайный ты на вшей-то...

Немец ничего не ответил, сделав вид, что это к нему не относится. Он с вождением посмотрел на табуретку, на которой сидел Павел Минаич, и вздохнул.

— Посидеть охота... Не на чем посидеть. Сами вы, сволочи, всю мою мебель сожгли, — сказал Павел Минаич.

— Увезли всю, черти, в окопы к себе, — сердито проговорила Елизавета Михайловна. — Диван даже утащили. Чайком бы тебя, Павел, надо попоить, да ничего нет — все пожрали. Надо хоть кипятку согреть, да вот самовара-то нет — подчистую ограбили... Присесть не на чем... Стол опоганили — день мыть да скрести его надо.

Елизавета Михайловна печально и растерянно металась около печки, придумывая и стараясь хоть что-нибудь соорудить для мужа.

Павел Минаич сидел-сидел на табуретке и неожиданно задремал. Давали себя знать и дальние походы, и бессонные ночи, да сказывались и немалые годы.

Немец пригнулся чесаться. Он всей пятерней скреб грудь, бока, живот, потом поясницу. Елизавете Михайловне это показалось подозрительным. Фашист склонился и стал скрести ноги и вдруг резким движением сунул руку за обмотку из кроличьих шкурок. Елизавета Михайловна громко вскрикнула и отпрянула к стене. От ее крика Павел Минаич вскинулся с табуретки и увидел в руках фашиста пистолет. Стремительным броском он ринулся на немца и ногой, обутой в серый валенок, ударил его вниз живота. Фашист взвыл от боли и, падая, успел нажать гашетку автоматического пистолета. Пули веером легли от среднего бревна стены до середины потолка. В тот же миг Павел Минаич приподнял к плечу свой автомат и одним выстрелом пригвоздил фашиста к полу.

— Жив? — бросилась Елизавета Михайловна к мужу.

— Да как будто невредим. Вот теперь-то тебе, бестия, придется на мороз... А ведь хотел, как «языка», в штаб его передать.

С помощью жены он выволок фашиста из избы и прямо с крыльца сбросил в снег. Елизавета Михайловна жалостно посмотрела на голову фашиста.

— Какой платок-то мерзавец опоганил. Это у Катерины Григорьевны Лыковой он украл... Ей бабушка на память оставила...

Вскоре пришла в село красноармейская часть, а после полден Павел Минаич получил новое задание и двинулся со своим взводом в поход.

Освобожденные односельчане провожали его. Они осунулись, исхудали. Но сегодня радостью горели их взгляды. Старик Матвей Парменыч Кручинин, ласково и одобрительно похлопывая Павла Манаича по плечу, сказал:

— Смирным мы тебя все считали, тихим... Ведь ты, бывало, курицы не обидишь... Болящую в избу отнесешь, в подпечье выходишь, отогреешь...

— Я и теперь, Матвей Парменыч, никого не обижаю, я и теперь смирный, но сердце-то у меня русское. Кто затронул его за живое — держись. Спасенья тому не будет. Про нас говорят, что мы долго запрягаем, но

прытко ездим. Верно ли это? Поехали мы теперь, Матвей Парменыч, и путь у нас дальний. На этом пути я горы фашистских трупов навалю и по этим горам уйду далеко, пока мое сердце не утихнет. А наше русское сердце такое, что раз уж оно сдвинуто, так долго не успокоится. до полной тишины во всех народах не уляжется. Правду ли я говорю, Матвей Парменыч?

Старик смахнул со щеки прочувствованную слезу и торопливо заговорил:

— Правду, Паша, правду... Выметай, родной мой, больше вали, чтоб духу ихнего не было. Ружье, говорят, у тебя хорошее — механическое. Стреляй без пощады.

Трясущимися руками старик пригнул голову Павла Минаича и поцеловал его в губы, лоб и звезду на шапке Павла Минаича.

— От всего села благословляю.

Павел Минаич простился со всеми односельчанами и повел своих автоматчиков вдоль улицы, потом свернул на гумно. Он собрал свой взвод в сарае, разъяснил боевую задачу. Здесь автоматчики подтянулись и незаметно скрылись из села. Когда, в какую сторону они ушли — никто не видел.

Весь день и всю ночь по селу проходили советские войска. Они шли вперед. Далеко за селом ухали орудия и звук их становился все глуше и глуше.

Фронт удалялся на запад.

М. КОЧНЕВ

ДОЗОР

Светает. Дождь пробарабанил
Прямой наводкой по листе.
Но он ни листика не ранил.
Лежит дозор в сырой траве.

В былинке каждой ищут смысла
Бойца пытливые глаза.
А капля чистая повисла
Над ним, как матери слеза.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Полнеба заревом объято,
Орудья бухают вдали.
Лежит солдат,
В руке солдата
Зажата горсть сухой земли.
Пусть чернозем в руке, не глина.
Но, взвесив трудности пути,
За этой горстью из Берлина
Едва ли стоило идти.

МЫ ВЕРИМ, ЧТО ТЫ ПРИДЕШЬ

Мы все-таки верим, что ты придешь,
С победой закончив бой.
Пусть воют метели, пусть хлещет дождь.
Мы встретимся вновь с тобой.
Мы все-таки верим, что ты придешь,
Хоть нет от тебя письма;

Ты в белом халате снегами ползешь,
Тебя бережет зима.
Мы все-таки верим, что ты придешь,
Мой синеглазый брат,
Я чуб твой увижу, как спелую рожь,
И ты будешь встрече рад.
Мы все-таки верим, что ты придешь,
Я видел тебя во сне,
И пушек раскаты и немцев галдеж
Слышались долго мне.
Мы все-таки верим, что ты придешь,
Хоть нет от тебя письма;
Ты в белом халате к ДЗОТу ползешь,
Тебя бережет зима.

ЗА РОДИНУ-МАТЬ

Наш мирный труд
нарушил враг заклятый,
Метнул огнем
за наши рубежи.
Неси, мой танк,
суровую расплату,
К победе нам
дорогу проложи.
По свободным советским просторам
Черной своре вовек не гулять,
Мы единым могучим напором
Отстоим нашу родину-мать.
Враги не раз
в страну мою ходили —
С восточных гор
до самых Чудских вод.
Мы всех врагов
по очереди били,
И в тех боях
прославился народ.
Припев.
Идем на фронт,
идем мы в бой жестокий.
Слезу свою,
родимая, смахни!
В родной семье
не будешь одинокой,
Где и дела
и помыслы — одни.
Припев.

Наш мирный труд
нарушил враг заклятый,
Метнул огнем
за наши рубежи.
Неси, мой танк,
суровую расплату
К победе нам
дорогу проложи.
По свободным советским просторам
Черной своре вовек не гулять.
Мы единым могучим напором
Отстоим нашу родину-мать.

ПОБЕДНАЯ ПЕСНЯ

Над родиной, в небе высоком
На запад летит самолет,
И юноша — сталинский сокол —
Победную песню поет:
Поднимем над родиной
Красное знамя,
Рожденное в пламени битв.
За правое дело!
Победа за нами!
Враг будет разбит!

Уходят тяжелые танки
Сражаться на вражьей земле.
Летят боевые тачанки,
И песня несется во мгле:
Поднимем над родиной
Красное знамя,
Рожденное в пламени битв.
За правое дело!
Победа за нами!
Враг будет разбит!

Буравят Балтийскую воду
Винты боевых кораблей, —
Победная песня свободы
Гремит все сильнее и сильнее:
Поднимем над родиной
Красное знамя,

Рожденное в пламени битв.
За правое дело!

Победа за нами!
Враг будет разбит!

С гигантов-заводов и пашен
Идет в ополчение народ.
И силу несметную нашу
Стальной воевода ведет.

Поднимем над родиной
Красное знамя,
Рожденное в пламени битв.
За правое дело!

Победа за нами!
Враг будет разбит!

ПЕСНЯ ОХОТНИКОВ-ОПОЛЧЕНЦЕВ

Эй, охотник, погоди:
Мы друг друга знаем!
Помнишь, мчались впереди
Фурманов с Чапаем?..

Убери в чехол ружье,
Время — к пулемету.
На фашистское зверье
Развернем охоту.

Ветер носит далеко
Боевую славу.
На коричневых волков
Соберем облаву.

Если птица не поет,
Не качнется ветка, —
Значит по лесу идет
Красная разведка.

Мы заляжем у реки,
Наши пули колки:
Через красные флажки
Не прорвутся волки.

Нам отчизна дорога.
Мы идем к победам:
Будем хищного врага
Гнать кровавым следом.

А. ВАСИЛЬЕВ

ПИСЬМО

Мой дорогой друг!

Сегодня у нас выдался тихий денек, и я могу спокойно написать тебе письмо. Вот я и поймал себя на слове — спокойно написать письмо — да разве можно быть спокойным, когда лежишь в окопе, а позади, недалеко через поле, родной наш город, который мы вчера отбили у врага.

Странное чувство владеет мной. Ты, наверное, хотел бы знать о том, что делается на фронте, а мне хочется вспомнить прошлое.

Помнишь, как мы нетерпеливо ждали дня, когда кончим школу и навсегда уедем из нашего «захолустья». Этот день пришел. Кажется, что это было давно, много лет тому назад, а ведь с того дня прошел только один год.

Наступил наш выпускной вечер. Перед тем, как пойти в школу, мы собрались у меня. Ты, наверное, забыл, как мы закрылись в моей комнате и, посмеиваясь над ничего не подозревавшими родителями, достали из-под стола спрятанную накануне бутылку мадеры.

Нам не нужно было вина. Мы и так уже были немножко пьяны от чудесного вечера, от запаха сирени, врывавшегося в открытое окно, от нашей молодости, и от полноты счастья.

Но кто-то из нас, не помню, ты или я, сказал:

— Надо выпить, мы теперь взрослые.

Помню, ты посмотрел на этикетку, перевернул бутылку и тоном заправского пьяницы важно сказал:

— Ого, старая... Это чудесно!

Тут-то и накрыл нас отец. Он вошел тихо. Мы стояли смущенные, и румянец заливал наши щеки.

Отец сам налил рюмки и торжественно произнес:

— За ваше здоровье! За вашу взрослую жизнь, дети!

Потом мы пошли в школу все вместе. Я вел под руку мать и отца, ты шел впереди с сестрой Валей. После она мне по секрету сказала, что в этот вечер вы решили всю жизнь идти вместе.

Вчера, только вчера, я проходил той же дорогой, где мы шли тогда. На том месте, где стоял наш дом, я увидел груды развалин. Порывшись в них, я нашел обломки этажерки и полуобгоревший Валин портрет.

Если бы все это случилось год назад, после пожара, если бы родной мой дом разметала буря, я наверное плакал бы от обиды и жалости. Вчера я стоял молча, глаза мои были сухи.

О матери я ничего не знаю. Валю, мне об этом рассказали соседи, немцы увели в свой тыл. Отца я нашел. Он висел на дереве в одном белье, босой. На его груди была приколотая записка «Партизан». Немцы согради. Отец не был партизаном, не успел уйти из города. Его поймал немецкий патруль, когда он поджигал фабрику, на которой проработал всю жизнь. Отца я похоронил, записку сберег...

— За ваше здоровье. За вашу взрослую жизнь, дети!

Не знаю почему, но моя память вновь и вновь возвращается к тому знаменательному дню.

...Директор школы Сергей Иванович встретил нас у входа в зал. Он поздоровался с нами за руку впервые за все 10 лет знакомства.

Помню оркестр заиграл польку. Сергей Иванович церемонно, по-старинному, взял Валю за руки и пустился гонимовать. Мы стояли вокруг и громко кричали: «Браво!» «Качать!». Сергей Иванович отбивался, грозил. Ничто не помогло. Мы его качнули по-настоящему.

...Сергея Ивановича нет в живых. Когда немцы вступали в город, он защищал баррикады на Советской улице. Пуля пробила ему голову.

А наша завуч Зоя Павловна! От нее нам доставалось больше, чем от кого бы то ни было. Но она в этот вечер забыла все наши проказы, расцеловала всех нас и я заметил, что на глазах у нее блеснули слезы.

Она шутила, говорила, что скоро будет учить наших детей.

— Обязательно в нашу школу приводите. Я посажу их за ваши парты.

...Зою Павловну расстреляли за то, что она вечером пустила ракету около школы, а в ней был размещен фашистский штаб.

Мой дорогой друг!

Сейчас идет снег. Недалеко впереди моего окопа лежит на боку подбитый немецкий танк. Рядом с ним три немецких солдата. Скоро их закопают, а танк отведут в тыл.

В тот незабываемый вечер погода была чудесная. После нашего школьного бала мы отправились в городской сад, потом катались на лодке, под самое утро забрели в кафе и попали домой на рассвете. Мать, открывая нам дверь, ласково сказала:

— Эх, вы гулены! Спать пора! Спать!

Но мы еще долго не могли уснуть. Над чем-то смеялись, перекликались через стенку с Валею, вспоминали друзей и искали недопитую бутылку старой мадеры.

А помнишь, как мы приехали домой на первые студенческие каникулы?

Мы гордились столичной жизнью, рассказывали о Большом театре, о стадионе «Динамо», о Третьяковке и уверяли Вальку, что только ей делаем одолжение, идя по улице.

— Нечего у вас тут делать, — говорили мы, — подумаешь город!

Мечтая о будущем, мы не умели ценить настоящее, которое уже ушло в прошлое. А как мы хорошо, чудесно жили...

Мы часто произносили слово — родина, иногда не понимая сокровенного смысла этого слова. Под родиной мы подразумевали что-то большое, яркое, счастливое и почему-то обязательно мирное. А вот сейчас родина в огне войны, ее топчут вражеские солдаты, по ней бьют пушки, минометы, танки давят ее тело, кровь бежит из ее ран.

Я кончаю мое письмо. Снег идет и идет... Ночь наверное будет темная, это хорошо. И в темноте я найду врага, ему не спрятаться, не уйти. Руки мои не дрогнут, сердце мое стало каменным, мысли ясны.

Только вчера я прошел по улицам, знакомым с детства.

Разрушенный, разграбленный город мой стал мне еще дороже и роднее. Год назад мы мечтали никогда не возвращаться в него надолго, а сейчас я не сделаю ни одного шага назад. Я буду идти только вперед, пока хватит сил, пока течет в жилах кровь, пока бьется мое сердце.

Город мой, родина моя чудесная! Я буду сражаться за тебя, за родных моих, за друзей, за сирень, что цвела в памятный тот вечер, за поругание твое, разорение и за будущую твою жизнь.

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

БОЕВЫЕ ЧАСТУШКИ

День и ночь фашистам снится
Украинская пшеница.
Хороша красавица,
Только вот — кусается.

Грозен воин наш бесстрашный
В жаркой схватке рукопашной.
Не выдерживает враг
Наших яростных атак.

Мрачен Гитлер: людоеду
Уж не верится в победу.
Гибнут лучшие войска,
Кара хищнику близка.

Издад Гитлер повеленье:
Для прироста населения
Всем арийкам каждый год
Приносить двойной приплод.

Своему призванью верен,
Геббельс врет, как сивый мерин, —
Сочиняет бестия
Свежие известия.

Грозным выводком орлиным
Мы летаем над Берлином.
Бьем, фашистам на беду,
По злодейскому гнезду.

Бей по гитлеровским гадам
Бомбой, пулею, снарядом,
Бей прикладом, бей штыком
И стахановским трудом.

КРАСНОФЛОТСКИЕ ЧАСТУШКИ

На свое, фашисты, горе
Заплывете в наше море:
Здесь дорога вам одна —
От поверхности до дна.

Пулеметы и снаряды
Бьют бандита без пощады,
Чтобы помнил лютый вор
Нашей Балтики отпор.

Не допустим супостата
До советского Кронштадта,
На воде и в облаках
Разобьем фашиста впрах.

Не уйти вам, людоеды,
От гранаты, от торпеды, —
Боевые корабли
Вас сотрут с лица земли.

Перетопим псов немецких
В глубине морей советских,
Чтобы бешеным зверям
Не шататься по морям.

Не грози подводной лодкой —
Наш ответ тебе короткий:
Хватит — плавал по волне, —
Пропадай теперь на дне.

Друг за друга, брат за брата,
За невесту, за отца
Бей фашистского пирата
До победного конца.

ЯБЛОЧКО

Ростов-на-Дону
Немцы заняли,
И на весь белый свет
Барабанили:
В целом мире не найти
Нас могучее,
Мы с Кавказа увезем
Все горючее.
Только скоро немчуре
Баню задали:
Не бывать здесь никогда
Этой падали...
Эх, яблочко,
Ты ростовское;
Не уступим мы врагу —
Не таковские!

Сидел мародер
В нашем Тихвине,
Мечтал мародер,
Что мы ихние;
Топтал сапогом
Наши улицы,
Со дворов забирал
Все до курицы.
За столы залезал
Он непрошенный,
А от нас удирал
Обмороженный.
Эх, яблочко,
Ты советское;
Сломают зубы о тебя
Псы немецкие.

Наступал бандит,
Завладел Ельцом;
Окружили его
Мы стальным кольцом:
Будь доволен ты, «дружок»,
Теплым отдыхом,
Подыши-ка ты поди

Свежим воздухом,
Убегал бандит
Весь растрепанный,
Потерял мундир
Незаштопанный.
Эх, яблочко,
Ты елецкое,
Настоящее — родное
Ты советское.

Шли с винтовкой мы вперед,
Как с подругою,
Колотили мы врагов
Под Калугою:
Вытряхайся, мол, ворье,
Хватит — пожили.
Не встречаться бы вовек
С вашей рожею.
Под ударами штыков
Немцы пятаются,
За разбойничий налет
Шкурой платятся.
Эх, яблочко,
Ты калужское;
Удалое, боевое,
Наше русское.

Шли фашисты на Москву,
Сталью грохали;
Угостили их мы так,
Что заохали.
По захватчикам боец
Бьет без милости:
— Этот мусор, говорит,
Надо вымести.
Немцы валяются в сугроб
Вместе с танками,
Партизаны их громят
С партизанками.
Эх, яблочко,
Сердцу близкое,
Не бывать тебе живой,
Мразь фашистская.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Благоев.</i>	стр.
22 июня 1941 года	3
Бить врага	3
Ненависть	4
Народ-большевик	4
Боевая песня	5
Песня ткачихи	7
Добрый путь	8
Патриот	9
Поэту-бойцу	10
Донор	11
Кольца золотые	11
Алексей Лебедев	12
<i>Д.м. Прокофьев.</i> Старик, рассказ	14
<i>Д. Семеновский.</i>	
За правое дело	24
Герой	24
Капитан Гастелло	25
Клятва	26
Сестра	27
Эпизод	27
Сила народа	28
Начало конца	29
<i>М. Шошин.</i> Мягкое сердце, рассказ	30
<i>М. Кочнев.</i>	
Дозор	39
Горсть земли	39
Мы верим, что ты придешь	39
<i>В. Кудрин.</i>	
За Родину-мать	41
Победная песня	42
Песня охотников-ополченцев	43
<i>А. Васильев.</i> Письмо	44
<i>Д. Семеновский</i> Боевые частушки	48
<i>А. Благоев.</i>	
Краснофлотские частушки	49
Яблочко	50

Редакционная коллегия. Подписано к печати 18/II 1942 г. КЕ—285. Тираж 5000 экз. Печ. л. 3 1/4. Уч. изд. л. 2,45. В печ. л. 35776 тип. зн. Цена 1 р. Типография издательства Иванова облсовета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 7279.

1 рубль.

27

